

Наталья Брагина

«Демотиваторы со смыслом» и наивные толкования: о соотношении вербального и визуального¹

«Демотиваторы со смыслом»: общая характеристика

Википедия определяет *демотиватор* (*демотивационный постер*) как изображение, которое состоит из картинка в черной рамке и комментирующей надписи-слогана, выполненной в определенном формате. Демотиваторы представляют собой новый интернет-жанр, в котором вербальное синтезировано с визуальным и определенным образом воздействует на адресата. Благодаря такому синтезу они рассматриваются как *поликодовый жанр* [Бугаева 2011], *полимодальный текст* [Бабина 2013].

Появление первых демотиваторов было связано с пародированием *мотиваторов*, которые использовались как средство наглядной агитации. Позже функции нового интернет-жанра расширились. В частности, социологи выделяют следующие его виды: оригинальные, или классические; чисто шуточные; социально-рекламные; самопрезентационные; интернет-эзотерические и философские [Голиков, Калашникова 2010]. В другой классификации, которая была составлена филологом, среди прочих рассматриваются идеологическая, эстетическая, аксиологическая функции демотиваторов [Бугаева 2011: 150].

Наталья Георгиевна Брагина
Государственный институт
русского языка
им. А.С. Пушкина /
Институт лингвистики РГГУ,
Москва
natasha_bragina@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта стратегического развития РГГУ за 2014 г.

Среди разных типов демотиваторов выделяется группа «демотиваторов со смыслом». Именно о ней пойдет речь в данной статье. Такие демотиваторы включают картинку, концептуальное слово, как правило, написанное прописными буквами, и комментирующий текст (иногда отсутствует). В составе «демотиваторов со смыслом» часто встречаются концептуальные слова *жизнь, смерть, счастье, свобода, одиночество, человек, природа, дружба* и некоторые другие. Вероятно, их можно рассматривать как базовые концепты этого интернет-жанра.

О соотношении вербального с визуальным: экскурс в историю

К предшественникам демотиваторов относятся *открытка* и *плакат*. Собственно само название *демотиватор* — это сокращение от *демотивационный постер*, то есть *плакат*. Более ранними предшественниками являются *лубочные картинки*. Укажу некоторые «наследственные» черты, которые проявляются у демотиваторов.

Благодаря *открытке (отрытое письмо)*, одно из первых упоминаний о которой датируется концом XVIII в., возник прецедент частной письменной коммуникации, открытой для третьих лиц. Показательно, что этимология русского слова передает именно этот смысловой компонент, в отличие, например, от эквивалентов в других европейских языках: *postcard* (англ.), *carte postale* (фран.), то есть ‘почтовая карточка’, *Correspondenz-Karte* (нем., XIX в., ‘карточка для переписки’, отсюда слов. и хорв. *dopisnica*), позже *Ansichtskarte* (нем. ‘видовая карта’, отсюда слов. и хорв. *razglednica* и другие кальки в языках Австро-Венгрии)¹.

Открытка как социальное явление² предшествовала кардинальному изменению публичного пространства коммуникации, которое произошло во Всемирной паутине. В социальных сетях, например в Facebook, реплика, обращенная к отдельному лицу, личное послание или поздравление с днем рождения являются открытыми для третьих лиц.

¹ Об истории открытки в Европе см. работы: [Békési 2004; Pfandl 2011].

² Поначалу к открыткам отнеслись с осторожностью именно по причине их открытости стороннему наблюдателю. Известный коллекционер и знаток истории открытки Н.С. Тагрин приводит цитату из парижского альманаха 1777 г.: «По почте пересылаются, как приветствия и поздравления на самые различные случаи, гравированные карточки, часто с текстом, открытые для всякого. Много спорили об этом нововведении, изобретенном гравером Демезоном. Находят, что при этом поощряется беззастенчивость прислуги, которая таким образом входит в ваши секреты» [Тагрин 1978: 30]. Постепенно открытки, или артистические карточки, как их иногда называли в конце XIX — начале XX в., вошли в обиход и стали необычайно популярны.

Сравнительно недавно в интернете появились открытки Atkritka.com. Рисунки и однотонный фон по стилю напоминают старые открытки. Интернет-открытки содержат юмористические тексты, иногда смешные, и являются одной из разновидностей сетевого юмора. Демотиваторы по форме, соотношению визуального и вербального напоминают открытки, адресованные всем и каждому в отдельности. Это вид открытого письма.

Базовыми свойствами *плаката* являются: броскость (за счет контрастных и ярких цветов), лаконичность¹, концентрация внимания на одной главной фигуре. Все три компонента (третий в меньшей степени) присущи демотиваторам.

По функции воздействия на адресата демотиваторы частично совпадают с *лубком*. Лубок мог высмеивать пороки и показывать добродетельные образцы поведения. Он поучал, развлекал, украшал, обучал. Демотиватор, как и лубок, адресован массовому потребителю, хотя очевидно, что его адресат живет в другое историческое время, имеет другой социальный статус, культурный уровень и т.д. Однако в общих чертах вербально-визуальная модель воздействия на массовое сознание сохранилась.

О метаязыковой рефлексии и наивных толкованиях

Интернет-коммуникация в целом усиливает метаязыковую рефлексии [Мечковская 2009]², которая возникает в процессе (авто)коммуникации обычно как спонтанная реакция говорящего / пишущего на необходимость прояснить смысл слова, исключить непонимание собеседником того, о чем идет речь. Как правило, пояснения требуют устаревшие слова (пример 1), редкие слова, профессионализмы (пример 2), диалектизмы (пример 3), сленг, новые слова и новые значения (пример 4).

(1) В погребе было сумрачно; у входа цвела **буржуйка** — железная печка, у меня в дневнике записано «трехэтажная» (И. Максимов «Пир во время чумы (Из фронтového дневника)»).

(2) «**Амок**» — слышал такое слово? Это когда с ума сходят (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей»).

(3) Все вечера, а то и ночи сидят [ребята] у **огончиков**, говоря по-местному, да пекут **опалихи**, то есть картошку (Ф. Абрамов «Пути-перепутья»).

¹ Изображение и текст могут восприниматься «на ходу».

² См. также работу: [Вепрева 2005].

(4) То есть **наносекунды** — это когда еще хоть какое-то движение заметно (И. Иванов «Как расщепляют мгновение»¹).

Все толкуемые слова не являются частотными и общеупотребительными в современном русском языке, они относятся к периферийным единицам лексической системы. Носители языка обращаются к словарю именно для выяснения значений периферийных слов лексической системы. Включение в толковые словари общеупотребительных, знакомых всем слов, таких как *стол, балкон, ложка*, у «наивных» пользователей иногда вызывает недоумение.

Прагматически важной являются также возрастная и социальная характеристики говорящего и слушающего — *кто* и *кому* объясняет значение слова: взрослый → маленькому ребенку (пример 1); учитель русского языка → иностранным студентам (пример 2); ребенок → взрослому(ым) / другим детям / самому себе (примеры 3, 4); взрослый → взрослому(ым) (пример 5).

(1) Вот когда он понял давние папины слова: «**Голод** — это когда нет хлеба» (И. Грекова «Фазан»).

(2) **Здесь**: Книга **здесь**. **Вот** она! **Там**: Чашка **там**. **Вон** она!

(3) — **Лента Мебиуса**, — перебил Петька, — это когда думаешь, что сначала — одно, а потом — другое, а оказывается то же самое... (В. Белоусова «Второй выстрел»).

(4) — **Море** — это с одним берегом, а **река** с двумя. **Всадник** — «это который в саду». **Страус** — это жираф. Только птица она. **Индюк** — это утка с бантиком (К. Чуковский «От двух до пяти»).

(5) Все сходятся в одном: такого количества организованных «**каруселей**», то есть акций по физическому вбросу бюллетеней, в таких масштабах мы еще не знали («Выборы по-новому: реванш ЕР, “модернизированная карусель” и голосование ногами»²).

В отличие от приведенных примеров, метаязыковая рефлексия над концептуальными словами имеет несколько иную природу. Концептуальные слова общеупотребительны и частотны. Их значение носитель языка не выясняет в словаре, но определяет самостоятельно. Потребность в толковании концептуальных слов возникает не по причине незнания и/или непонимания слова, а в силу того, что через их интерпретацию / с ее по-

¹ Лекция на конференции лауреатов Всероссийского конкурса учителей математики и физики, 2009 г. <<http://elementy.ru/lib/430939>>.

² Сайт «Новости мира» <http://nowostimira.com/news/vybory_po_novomu_revansh_er_modernizirovannaja_karusel_i_golosovanie_nogami/2012-10-15-3422>.

мощью человек определяет и транслирует отношение к миру, себе, другому и т.д. Концептуальные слова содержат мировоззренческие смыслы, которые и раскрываются в процессе интерпретации. В отношении них всегда уместен вопрос: *Что есть Р? (истина, дружба, свобода...)*. Иными словами, они никогда не определяются и не могут быть определены окончательно и единообразно. Они включены в наивную философию, и стремление к их истолкованию у носителя языка велико. Разные люди в своих интерпретациях профилируют разные (вплоть до противоположных) смысловые компоненты. Концептуальные слова существуют в системе множественных интерпретаций, при этом их интерпретативное поле с течением времени может как расширяться, так и сужаться.

Зафиксированную в тексте попытку определить смысл лексического концепта я буду называть наивным толкованием концептуального слова.

О наивных и лексикографических толкованиях концептуальных слов

Одним из самых частотно определяемых концептуальных слов является *любовь*¹. На сделанный в «Яндексе» запрос «любовь — это» было получено более ста определений: *Любовь — это: игра, искусство, свобода, жизнь, лес, пес из преисподней, ад и рай, девятый вал, химия, болезнь, желание жить, страшная мука, счастье, свет в ночи, яд, верность, работа, кровь и др.* В ряде случаев определяемое слово и то, которое используется для определения, могут меняться местами: *искусство, свобода, жизнь, счастье, верность... — это любовь.*

Наивные толкования концептуальных слов, как видно из примеров, существенно отличаются от лексикографических. В идеале лексикографическое толкование должно отвечать следующему правилу: сложное толкуется с помощью более простого. Классическое лексикографическое толкование предполагает отражение интегрального и дифференциальных признаков слова, которые необходимы и достаточны для определения его значения, реализуемого в совокупности употреблений, например: *Любовь — ‘чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола’* [Кузнецов 2001].

При этом следует отметить, что лексикографическое описание концептуальных слов может представлять собой нетривиальную задачу. Например, как заметил Ч. Филмор, крайне трудно

¹ Концептуальному описанию *любви* посвящено много интересных работ, например: [Степанов 1997; Зализняк 2005].

определить в словаре слово *Бог* таким образом, чтобы это устроило абсолютно всех [Fillmore 1994].

Наивные толкования, как правило, имеют отличную от лексикографических толкований структуру. Часто это метафорические определения: сложное объясняется с помощью (более) сложного. Метафорические толкования характерны не только для повседневного, но и для научного типа дискурса, особенно когда автор стремится к точности передачи новых смыслов. Определение слова с помощью метафор можно рассматривать как один из возможных и важных способов нелексикографического толкования слова, ср., например, высказывание Н. Брагинской: «Я не замечаю количества метафор в собственной научной речи, но, как выясняется, именно когда мне надо сказать новое и главное, я выражаюсь метафорически» [Борусяк 2010].

Помимо метафорических толкований, значение концептуальных слов часто объясняется при помощи «погружения» в ситуацию. В толкованиях используются конструкции: *это когда...*, *это если...*, *это то...*; *любовь* — *это когда мы думаем о человеке 24 часа в сутки*; *счастье* — *это, если ты видишь его очень редко, тебе так хочется увидеть его, обнять и поцеловать*.

Наивные толкования концептуальных слов можно также условно разделить на универсальные и частные. Первые определяют концепт обобщенно, например: *Любовь* — *это то, от чего ты улыбаешься, даже когда устал*. Вторые дают определение в отношении какой-то конкретной ситуации / конкретного класса ситуаций, например: *Иногда кажется, что дружба* — *это название плавленого сырка и только*.

О визуальных стереотипных образах концептуальных слов

Концептуальные слова и их наивные толкования соединяются в демотиваторах с изображениями. Отношения вербального с визуальным определенным способом конфигурируются. В зависимости от наличия / отсутствия между ними общих смысловых компонентов можно градуировать степень смыслового объединения между вербальным и визуальным. Максимальной степени это объединение достигает в том случае, когда изображение содержит визуальный стереотип концептуального слова. Демотиватор обладает высокой предсказуемостью и однозначно «читается» как визуально, так и вербально. Это превращает его в выстроенное в соответствии с социокультурными нормами высказывание, которое можно отнести к узусу. Визуальные стереотипы, сопровождающие в «демотиваторах со смыслом» вербальное описание концептуального

слова, могут рассматриваться как разновидность наивных остенсивных толкований¹.

К визуальным стереотипам концептуального слова *любовь* можно отнести: рисунок, воспроизводящий форму сердца; красный цвет (символ любви); Эйфелеву башню (символ Парижа, за которым закрепилась устойчивая ассоциация города любви); два обращенных друг к другу профиля; соединенные руки; силуэты супружеской пары (часто пожилой); два человека идут вместе, держась за руки. *Конец любви (разногласие)*: удаляющиеся друг от друга, отвернувшиеся друг от друга люди.

Под разными фотографиями, на которых сняты две вложенные одна в другую руки (два человека держатся за руки), могут быть такие толкования-комментарии: «ЛЮБОВЬ... она начинается с доверия»; «ЛЮБОВЬ... — это держать его за руку, а слышать сердце»; «В ЭТОМ ОДНОМ ЖЕСТЕ больше чувств, чем в тысячи словах и мириадах подарков». Под разными фотографиями профиля влюбленных приведены толкования: «ЛЮБИТЬ — значит перестать сравнивать»; «ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ — НАИВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ. Если она у вас есть — берегите ее... пожалуйста»; «Любовь — это когда однажды становится навсегда».

«Демотиваторы со смыслом»:

изображение — концептуальное слово — наивное толкование

Анализ «демотиваторов со смыслом» позволил выделить несколько видов взаимодействующих с визуальными образами наивных толкований.

(1) *Неметафорические толкования*

«КРАСОТА — это то, чем человек восхищается» (рис. 1). *Структура*²: X — это P. Фотография иллюстрирует толкование. *Комментарий к толкованию*: красота определяется как объект восхищения, то есть слишком широко, если применять критерии лексикографически достаточного толкования (восхищаться можно разными вещами: смелостью, стойкостью, целеустремленностью и т.д.). *Комментарий к изображению*: сквозь струи фонтана видно здание театра оперы и балета (предположительно). Вероятны аллюзии: а) на высокое искусство, представленное оперой и балетом, а также узнаваемой архитектурой здания театра; б) на образ падающей воды (фонтан). Прото-

¹ Остенсивные толкования применяются в словарях в основном для описания имен предметной семантики. В толковании значения слова участвует также изображение (рисунок, чертеж).

² В *структуре* с помощью букв латинского алфавита воспроизводятся значимые элементы толкования.

типически и то и другое являются объектами восхищения и имплицитивно связаны с эстетической оценкой, красотой.

«ЖИЗНЬ — ЭТО БЕСКОНЕЧНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ. Считать себя совершенным — значит убить себя» (рис. 2). *Структура: X* — это Р. Фотография иллюстрирует толкование. *Комментарий к толкованию:* текст является сентенцией, цель которой — объяснить, как человек должен жить и относиться к своей жизни. *Комментарий к изображению:* фигура, сидящая в позе лотоса, сфотографирована на фоне белого овала. И текст, и изображение содержат прямые аллюзии на философию буддизма.

Рис. 1

Рис. 2

(2) Неметафорические шуточные (парадоксальные) толкования

«ОРИГИНАЛЬНОСТЬ... есть лишь неподражаемая манера быть как все» (рис. 3). *Структура*: X — это P. Шуточная фотография иллюстрирует шуточное толкование. *Комментарий к толкованию*: текст выстроен на основе парадоксального утверждения. *Оригинальность* и *неподражаемая манера* содержат идею уникальности, что вступает в противоречие с идеей всеобщей похожести и одинаковости, заключенной в словосочетании *быть как все*. *Комментарий к изображению*: все зебры одинаковы, когда они стоят одинаково и смотрят в одном направлении, на камеру. Если же одна зебра развернется в противоположную сторону, на 180°, то она станет отличаться от остальных. Шуточность картинке добавляет то обстоятельство, что все зебры выстроились в одну линию перед фотокамерой, а одна повернулась задом. Визуальный образ содержит импликацию упрямства / строптивости.

Рис. 3

«ДРУГ — это тот, который в большой шумной компании заметил, что ты ушел» (рис. 4). *Структура*: X — это P, который реагирует на то, что Y сделал Z. Шуточная фотография иллюстрирует шуточный текст. *Комментарий к толкованию*: текст является логическим выводом из следующего утверждения: *в большой и шумной компании очень трудно заметить чей-то уход*. Если же чей-то уход был кем-то замечен, то этих людей связывают особые (неформальные) отношения. Это — дружба. *Комментарий к изображению*: сфотографирована небольшая стайка воробьев на крыше; два воробья смотрят, как улетает

третий. Стая воробьев служит иллюстрацией шумной компании; воробьи, которые смотрят вслед улетающей птице, «обозначают» (учитывая толкование) ее друзей.

(3) *Апофатические шуточные толкования*

«РАЙ — любое место на Земле, где нет будильников, понедельников и начальников» (рис. 5). *Структура: X* — это отсутствие Р, У, Z. Фотография иллюстрирует шуточное толкование. *Комментарий к толкованию:* в тексте перечисляется ряд вещей, имплицативно связанных с работой, которая здесь противопоставлена отдыху и имеет отрицательные коннотации. Будильник будит, не дает выспаться. Понедельник начинает рабочую неделю (ср. также: *Понедельник — день тяжелый*). Начальник руководит, приказывает, контролирует, то есть огра-

Рис. 4

Рис. 5. См. цветной вариант на вклейке — ил. 1

ничивает личную свободу. Рай определяется как отсутствие этих трех устойчиво ассоциируемых с работой вещей. *Комментарий к изображению:* на фоне ярко-малинового заката видны силуэты пальм и лежащего в гамаке человека. Вероятно, он проспал весь день. Внизу поблескивает вода (море? океан?). На фотографии создается картина «сладкого ничегонеделанья», которая соотносится с концептуальным словом *рай* и его толкованием.

«ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ БОИТСЯ ПРЕПЯТСТВИЙ, — не любовь» (рис. 6). *Структура:* X, который испытывает состояние P, — не X. Шутливая фотография иллюстрирует толкование. *Комментарий к толкованию:* важным свойством, стереотипно соотносимым с представлениями об истинной любви, является ее способность преодолевать любые преграды. С помощью отрицания в тексте дано определение «истинной любви». Фраза приписывается Д. Голсуорси. *Комментарий к изображению:* изображения мужчины и женщины на двух отдельно висящих на стене портретах оживают. Они протягивают друг другу руки и соединяют их за границами рам «своих» картин. Соединенные руки — визуальный стереотип любви. Рамы картины и «оживание» изображений символизируют препятствия, которые могут только казаться непреодолимыми. Воздействующая сила любви, которая оживляет неживое, воплотилась в мифе о Пигмалионе и стала одной из сквозных тем в литературе и искусстве.

Рис. 6

Рис. 7

(4) Толкования с помощью развернутой метафоры

«ЖИЗНЬ — это урок, который ты не прогуляешь» (рис. 7).
Структура: X — это P, с которым не сделаешь то, что можно (обычно) сделать с P. Фотография иллюстрирует толкование, построенное на основе развертывания словосочетания *прогулять урок*. *Комментарий к толкованию:* метафора жизни как учебы, урока достаточно частотна, ср.: *Век живи — век учись; уроки жизни; жизнь (ничему не) научила* и т.д. Словосочетание *прогулять урок* является частотным и воспроизводит одну из типичных ситуаций школьного детства. В толковании концепта *жизнь* выражена идея того, что человек не может избежать уроков жизни, то есть неприятных, но поучительных ситуаций. *Комментарий к изображению:* сидящая на ступеньках эскалатора девушка с большой сумкой (полной книг? учебников?) похожа на сбежавшую с уроков школьницу. Она сидит, обхватив руками колени, и ее поза показывает, что у нее возникли неприятности. Длинный, уходящий вверх, пустой эскалатор согласуется с идеей жизненного пути.

«СТРАСТИ — это ветры, надувающие паруса корабля. Они его иногда топят, но без них он не может плавать...» (рис. 8).
Структура: X — это P, который делает для R (важное) Z. P иногда делает для R (плохое) Y, но без P R не может делать (главное) Q. Фотография иллюстрирует концептуальное слово. *Комментарий к толкованию:* метафора корабля (плывущего по океану жизни) в современном русском языке относится к базовым. Метафорическое осмысление ветра, который наполняет паруса корабля и тем самым приводит его в движение, также имеет высокую частотность. В тексте ветер (ветры) наделяется

Рис. 8

амбивалентными характеристиками: может утопить vs дает возможность кораблю плыть. Ветры уподоблены страстям, а человек — кораблю. Противопоставление глаголов *топить* — *плавать* содержит аллюзию на противопоставление жизни и смерти. Общий смысл фразы заключается в том, что страсти могут погубить человека, но без них он не может (полноценно) жить. Цитата из повести Вольтера «Задиг, или Судьба». *Комментарий к изображению*: поцелуй обнаженных влюбленных символизирует страсти.

(5) *Шутливые толкования с помощью развернутого сравнения*

«СОВЕСТЬ — КАК ХОМЯК: или спит, или грызет» (рис. 9). *Структура*: X как P: или делает (свойственное P) Y, или делает (также свойственное P) Z. Фотография иллюстрирует толкование, выстроенное с помощью обыгрывания квазиантонимичных устойчивых метафорических словосочетаний: *совесть спит* vs *совесть грызет*. *Комментарий к толкованию*: анализ метафорической сочетаемости *совести* был дан в работе Н.Д. Арутюновой, исследовавшей несвободную сочетаемость слов [Арутюнова 1976]. *Совесть* уподоблена маленькому грызуну: *совесть царапает, грызет...* В тексте демотиватора использован этот же прием: совесть сравнивается с хомяком. *Комментарий к изображению*: визуальный образ служит как бы буквальной иллюстрацией толкования — на фотографии снят спящий хомяк.

«ЛЮБОВЬ — как чашка горячего кофе. Можно согреться, а можно обжечься...» (рис. 10). *Структура*: X как P: может привести в (хорошее) состояние Y, а может — в (плохое) состояние Z. Фотография иллюстрирует толкование. *Комментарий*

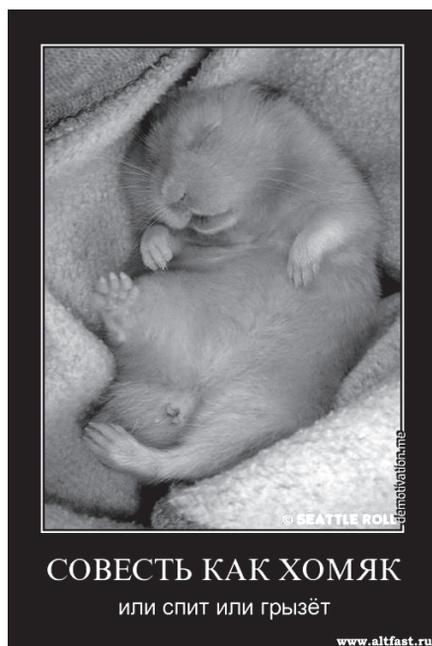

Рис. 9

Рис. 10. См. цветной вариант на вклейке — ил. 2

к толкованию: в тексте обыгрываются квазиантонимичные отношения глаголов *согреться* vs *обжечься*. Сравнение любви с чашкой горячего кофе как бы «приземляет» чувство, погружая его в практику повседневности. *Комментарий к изображению:* сидящая девушка поставила на колено кружку с надписью «I ♥ coffee». Текст и изображение наводят на мысль о том, что в кружку налит горячий кофе. Концепт *любовь* повторно воспроизводится в виде красного сердечка, заменяющего в надписи на кружке слово *love*, то есть *любовь*.

(6) *Афористическое толкование*

«ЛЮБОВЬ... — это держать его за руку, а слышать сердце» (рис. 11). *Структура*: X — это делать Р, а воспринимать Y. Фотография иллюстрирует толкование. *Комментарий к толкованию*: текст выстроен на квазиантонимических отношениях. Внешнее (*держат за руку*) противопоставлено внутреннему (*слышат сердце*). *Сердце* семантически и концептуально связано с любовью. *Комментарий к изображению*: фотография воспроизводит жест: две руки, одна вложена в другую. Можно предположить, что юноша и девушка идут (стоят), держась за руки.

«ЛЮБОВЬ — это когда однажды становится навсегда» (рис. 12). *Структура*: X — это когда Р становится Y. Фотография иллюстрирует толкование. *Комментарий к толкованию*: содержание текста выстроен на противопоставлении антонимов *однажды — навсегда* и синтезе противопоставленных единиц, который показан при помощи фазового глагола *становиться*. *Комментарий к изображению*: на фотографии запечатлены обращенные друг к другу (перевернутые) профили: лежащей девушки и склонившегося к ней юноши. Обращенные друг к другу профили, как было показано выше, относятся к визуальным стереотипам любви.

Рис. 11

Рис. 12

Заключение

На примере сравнительно недавно появившегося интернет-жанра «демотиваторы со смыслом» можно проследить некоторые тенденции, которые, вероятно, будут иметь значение для новейшей лексикографии. Это в первую очередь отношение вербального и визуального при описании концептуальных слов. В современных художественных практиках, например, это отношение получает новое осмысление и мощное развитие. Поскольку остенсивные толкования предметных имен используются в словарном описании лексики уже давно, то вероятность применения их к концептуальным словам достаточно высока.

Усиление метаязыковой рефлексии в интернет-коммуникации, включая практику наивных толкований, может также оказать влияние на структуру лексикографических толкований. Устойчивая форма: концептуальное слово — наивное толкование — изображение, которую воспроизводят «демотиваторы со смыслом», может стать моделью для словаря синтетического типа, в котором при семантизации лексических единиц сочетаются (наивные) вербальные представления с (наивными) визуальными.

Наконец, сам новый жанр демотиваторов представляет собой несомненный лингвистический интерес.

Библиография

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

- Бабина Л.В.* Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. [Тамбов], 2013. № 2. С. 28–33 <<http://www.gramota.net/materials/2/2013/2/5.html>>.
- Борусяк Л.* Язык науки. Беседа с доктором исторических наук, руководителем Научно-учебного центра антиковедения ИВКА РГГУ Ниной Брагинской. Ч. 1 // Полит.ру. 2010, 10 февр. <<http://polit.ru/article/2010/02/10/science/>>.
- Бугаева И.В.* Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика // Style. 2011. No. 10. P. 147–158 <<http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf>>.
- Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-Пресс, 2005.
- Голиков А.С., Калашникова А.А.* Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестник Харьковского гос. ун-та. 2010. Вып. 16. С. 124–130.
- Зализняк А.А.* Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 205–225.
- [Кузнецов] Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.
- Мечковская Н.Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: Курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта: Наука, 2009.
- [Степанов] Любовь // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 279–303.
- Тагрин Н.С.* Мир в открытке. М.: Изобразительное искусство, 1978.
- Békési S.* Die topographische Ansichtskarte: Zur Geschichte und Theorie eines Massenmediums // Relation: Beiträge zur vergleichenden Kommunikationsforschung. 2004. No. 1. S. 382–404.
- Fillmore Ch.J.* Lexicography and Ethnographic Semantics // Euralex 94: Proceedings / Ed. by W. Martin et al. Amsterdam: Vrije Universiteit, 1994. P. 15–48.
- Pfandl H.* Slowenische Identität(en) auf Ansichtskarten der Monarchie zwischen 1890 und 1918. Am Beispiel des österreichischen Kronlandes Steiermark // Deutschmann P., Munz V., Pavlenko O. (edd.). Konfliktszenarien um 1900: Politisch — sozial — kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich / Сценарии конфликтов на рубеже XIX–XX веков: политические — социальные — культурные. Австро-Венгерская и Российская империи. Wien: Präsenz, 2011. S. 251–288.

**Иллюстрации к статье Натальи Брагиной
«Демотиваторы со смыслом»
и наивные толкования:
о соотношении вербального и визуального»**

Ил. 1

Ил. 2